

SHAKESPEARE WHO WAS SHAKESPEARE. THE AUTHORSHIP QUESTION REVISITED

The paper analyses Igor Shaytanov's *Shakespeare* (2013) in the context of the current discussion on the Shakespeare question in Russian literature studies. It reviews the key Shakespearean biographies of 2000s – early 2010s and some recent arguments of Russian Anti-Stratfordians.

W. Shakespeare, Stratfordians, Anti-Stratfordians, philosophy, authorship.

УДК 821.111

М.Ф. Амусин
Иерусалим, Израиль

ШЕКСПИР: БЫЛЬ, МИФЫ, ВЫСШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Рассматривается книга И.О. Шайтанова «Шекспир» в серии «ЖЗЛ». Книга, выдержанная в «проблемном» ключе, сочетает в себе широкий ряд исследовательских подходов и процедур, воссоздает историко-культурный контекст творчества великого драматурга и поэта, подробно излагает как установленные, так и спорные, «темные» моменты его биографии. Стержнем ее служит эстетический и смысловой анализ произведений Шекспира, который, по убеждению автора, только и может приблизить нас к пониманию тайн его личности и жизни.

Шекспир, елизаветинская эпоха, проблема авторства, эстетико-смысловой анализ, «историческая поэтика», «новый историзм», архетипические модели, «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Венецианский купец».

Книга Игоря Шайтанова «Шекспир» в серии ЖЗЛ принадлежит жанру популярной биографической литературы, пожалуй, в меньшей степени, чем домену научного шекспироведения, от которого я довольно далек. Данные заметки – отклик «заинтересованного читателя», которому по определению непросто оценивать полноту эрудиции и безупречность аргументации автора книги. Между тем книга мне понравилась, и это восприятие однозначно. Его-то я и попытаюсь здесь эксплицировать.

Для начала отмечу очевидный момент: писать биографию Шекспира – совсем не то, что создавать жизнеописания более близких к нам исторически фигур. Всем известно, насколько зыбка в данном случае фактологическая основа. Один возможный путь – пуститься в легковесно-авантюрную реконструкцию судьбы героя, затягивая лакуны и проломы паутиной общих мест, собственных – или коллективных – интуиций, чтобы не сказать домыслов. Другая крайность – погрузиться в безличную энциклопедичность, растворив фабулу жизни Шекспира в море сопутствующих сведений и соображений.

Трудность для автора еще и в том, чтобы озвучить собственные взгляды в многоголосом хоре коллег-специалистов, предшественников и современников. Как обозначить и утвердить свой, оригинальный подход к шекспировской проблеме, не ограничиваясь воспроизведением готовых – и противоречащих друг другу – теорий и версий?

Шайтанов выбрал нелегкий, но, на мой взгляд, благодарный вариант: признать проблему и строить свое повествование в проблемном ключе. Это нетривиальный выбор. Например, замечательный знаток творчества Шекспира А. Аникст свою книгу в серии ЖЗЛ (полувековой уже давности) написал в очень спокойном, утвердительно-изъявительном наклонении, как будто о герое известно если не все, то все существенное – внемлите.

Шайтанов, с самого начала заявив твердую «стрэтфордианскую» позицию, предоставляет в своем тексте место сомнениям, доводам оппонентов, честно признает, что многие вопросы, многие моменты шекспировской биографии остаются – и навсегда останутся – спорными. И провозглашает свой главный методический принцип: ключ к пониманию биографии и личности Шекспира лежит в его произведениях.

Но творчество «эйвонского лебедя» глубоко укоренено в материальной и духовной почве его эпохи. Эту почву Шайтанов вспахивает глубоко и основательно. Эрудиция автора не выпячивается, но, все же, бросает определенный вызов способности восприятия рядового читателя. Текст книги чуть ли не перенасыщен сведениями самого разного рода: от системы школьного образования в тогдашней Англии до Порохового заговора, от правил сбора штрафов и налогов до театральной топографии Лондона. Линия жизни Шекспира вьется и петляет между массивами ис-

торических реалий, часто прерывается отступлениями. Отступления у Шайтанова напоминают краткие перегруппировки сил перед новыми атаками на биографические и литературоведческие проблемы. В них к тому же выявляется разнообразие инструментария, который автор книги использует в своем повествовании/исследовании. Например, симпатии автора к «исторической поэтике» тут прекрасно уживаются с углублениями в социальную и бытовую фактуру времени в духе нового историзма.

Однако историко-политические и «материальные» подробности – лишь фон, по которому автор пишет центральный сюжет своей книги: рождение и становление универсального гения в его человеческой и духовной «окружающей среде». Здесь присутствуют эскизные, но очень выразительные портреты ведущих современников Шекспира, знаменитых драматургов-елизаветинцев: Марло и Кида, Нэша и Грина, Бена Джонсона, более молодых Бомонта и Флетчера. Большое внимание автор уделяет и описанию эпохальных сдвигов, совершившихся в шекспировскую эпоху в литературе и культуре. Обсуждается частный, вроде бы, вопрос: Бен Джонсон в известном отзыве о Шекспире говорит, что тот знал по латыни «немного» или «очень мало»? А завершается это обсуждение мыслью о том, что именно тогда совершался переход от безоговорочной ориентации на латынь и античные образцы – к языковой и культурной автономии национальных литератур. И Шекспир, с его скромным багажом латыни и мощным творческим импульсом, был живым воплощением этого перехода.

Или – тонкий анализ столь важной для шекспироведения темы авторства/соавторства. Шайтанов подчеркивает и доказывает, что тема эта остро актуальна именно для нас, а в ту эпоху она была гораздо более расплывчатой: «...в шекспировское время он [автор] еще не вполне родился. Особенно в театре, поскольку театр не был литературой...» (с. 129). Анализ этот подводит к парадокальному выводу: во времена бродячих сюжетов, «безымянного и коллективного» сочинения опусов для сцены как раз попытки утвердить индивидуальное авторство могли восприниматься как пластика.

Собственно жизнеописание представлено в книге в режиме своего рода интерактивного диалога: с читателями, с коллегами и оппонентами, с фактами. Задаются вопросы: сколько лет Шекспир ходил в школу? Где он мог набраться сведений из истории царствующих домов Англии? Что делал в «утраченные годы» (1585–1592)? Кому посвящал свои сонетные циклы? Шайтанов или предлагает ответы – на основе многолетних наработок шекспироведов и собственных суждений; или приводит перечень возможных решений; или спокойно констатирует, что утверждать что-либо трудно. Прекрасный пример – размышление о том, какую пьесу Шекспира следует считать первой: хронику «Генрих VI»? трагедию «Тит Андроник»? Аргументы в пользу каждого из вариантов обстоятельны и весомы. А вот претензии комедии на дебютную роль Шайтанов не считает обоснованными.

Или совсем другая материя: социальный статус и имущественное положение Шекспира. Шайтанов подчеркивает, что среди современников-драматургов,

порой свысока третировавших своего успешного коллегу ввиду его невысокого образовательного ценза, Шекспир был единственным, имевшим законное право именовать себя джентльменом: его отец получил (не без помощи сына) герб и дворянское достоинство. Ткань жизни героя, где это только возможно, уплотняется, наполняется деталями и красками, ярче пропускает на подробно прописанном историческом фоне.

И все же центральная составляющая текста – это эстетический и смысловой анализ творений Шекспира, его пьес и поэзии. Казалось бы, что тут можно сказать нового, тем более в рамках биографии? Шайтанов, конспективно обозначая то общепринятое и несомненное, что накопила традиция, находит здесь свои, незаемные подходы. Привычные ракурсы восприятия он то укрупняет, то сдвигает или остраняет. Вот скрупулезный разбор «выходного монолога» Глостера в «Ричарде III» – в нем подчеркнут момент крушения эпического мира и перехода к новому, индивидуальному самоощущению человека.

Говоря о «Ромео и Джульетте», Шайтанов замечает: «Это первый по времени создания шекспировский миф, оставленный потомкам в помощь им для понимания самих себя» (с. 260). А потом делает упор на стилевых особенностях этой трагедии, воплотившей в очередной раз классический любовный сюжет. Он отмечает, что в «Ромео и Джульетте» Шекспир преодолевает сонетную традицию повествования о любви. Здесь происходит овладение глубиной и подвижностью лирического слова при одновременном освобождении от штампов любовной лирики.

А «Венецианский купец» – пьеса, обретшая новую популярность в последние десятилетия благодаря богатству ее идеологических обертонов? Шайтанов делает краткий экскурс в область межнациональных отношений в елизаветинской Англии, но уходит от обсуждения избитого вопроса: в какой степени Шекспир был юдофобом? В его изложении национальная проблематика «Венецианского купца» много шире, а за ней открываются другие горизонты: от возможной гомосексуальной привязанности Антонио к Бассанию до появления здесь – впервые у Шекспира – проблемы отчуждения, на психологическом уровне проявляющейся через чувство меланхолии.

В разговоре о «Гамлете» автор книги уточняет расхожую формулу о «нашем современнике Вильяме Шекспире». Он дополняет ее встречной мыслью о том, что сюжет пьесы явился из средневековой хроники и не раз обрабатывался на протяжении XVI века, что в нем сохраняется много элементов архаики. Но и сверх того: Шайтанов обращает взгляд читателя к тем граням, которыми трагедия обращена не столько к будущему, сколько к преданию, мифу, т.е. к неизменному. И делает вывод: «самые важные события у Шекспира совершаются не в каком-то одном измерении... но между уровнями – между глубиной истории и современностью быта, между мифом и политической актуальностью» (с. 346).

И сам Гамлет, по Шайтанову, разрывается между требованиями традиции (и жанра «трагедии мести») – и открывшейся в нем способностью рефлексии, постижения моральных последствий своих поступков,

«нравственного раздумья». Это и делает его ситуацию столь безнадежной, причем в ретроспективе она нам гораздо яснее, чем современникам Шекспира: «Трагедия его героев в том, что они – выходцы из другого мира, первыми столкнувшиеся с теми проблемами, которые мы считаем своими... Герои Шекспира подобны людям, привыкшим отмерять время по башенным часам и звуку церковного колокола, которым вдруг дали в руки секундомер...» (с. 345).

В книге, нужно заметить, много таких лаконичных образных формулировок. Нет, это не афоризмы, которые слишком самодовлеющи, слишком любуются собой в ущерб объективной истине. Но Шайтанов знает цену точному и емкому суждению, сжимающему смысловую пружину. Вот еще пара примеров. «Фальстаф [в «Виндзорских насмешницах»] по сравнению с «Генрихом IV»] меняется не потому, что его вываливают из корзины с бельем, а потому, что из исторического Времени его вываливают в быт, из хроники – в комедию...» (с. 292). «В жесте Просперо, отказывающегося от магической силы, видят жест прощения драматурга, отпускающего на свободу своих персонажей и зрителей, 20 лет пребывавших в его власти» (с. 443).

Такие сгустки словесной энергии служат в книге для повышения убедительности, «авторитетности» авторского высказывания. Они нарушают потенциальную монотонность изложения, столь насыщенного, «крутого», освежают читательское восприятие. Впрочем, текст Шайтанова и вообще богат интонационными нюансами. Здесь и сдержанный полемический задор в противостоянии взглядам антистрэтфордианцев; и легкая ирония по адресу тех, кто склонен редуцировать шекспировскую «фактуру» к современным схемам политкорректности; и строго дозированный пафос нечастых оценочных суждений в отношении самого Шекспира.

Что же в итоге? По прочтении книги вряд ли можно сказать, что жизненный путь и личность Шекспира предстали нам прозрачными, отчетливыми. Но мне кажется, что предусмотренный автором результат достигнут. Дистанция между нами, читателями, и великим творцом становится не столь огромной, мы начинаем лучше понимать, как индивидуальность гения, взаимодействуя с обстоятельствами места и времени, рождала удивительные произведения, вечные образы, архетипические модели современной культуры.

M.F. Amusin

SHAKESPEARE: REALITY, MYTH, SUPER-REALITY

The article is a review of I. Shaytanov's book on Shakespeare (2013, the *Lives of Remarkable People* series). This book, which is designed in a problem-oriented vein, comprises a wide range of research approaches and procedures. It reconstructs the historic and cultural context of the great dramatist's work, presents in detail both well established and disputable, obscure moments of Shakespeare's biography. The main focus of this book is the aesthetic and semantic analysis of plays and poetry by Shakespeare – such an analysis, according to Shaytanov, is the only way to approximate to the mysteries of his life and personality.

W. Shakespeare, *Hamlet*, *Romeo and Juliet*, *The Merchant of Venice*, Elizabethan age, authorship problem, aesthetic and semantic analysis, 'historical poetics', New Historicism, archetypal models.